

ПРОСТРАНСТВО ЮГА РОССИИ: ФРОНТИРНЫЙ ДИСКУРС

Андреева Арья Александровна

научный сотрудник, лаборатория «Комплексных буддологических исследований», Калмыцкий государственный университет, РФ, г. Элиста

Аннотация. В современном научном дискурсе все больше актуализируется пространственная проблематика. Уделяется особое внимание понятию социокультурное пространство. Во многом это связано как с междисциплинарностью феномена пространства (происходит взаимопроникновение философии, социологии, культурологии и географии), так и с усиливающимися межкультурными контактами, кардинально изменившими глобальный культурный ландшафт. Особое место в данном дискурсе занимает концепция «фронтيرا».

Следует отметить, что фронтир – комплексный, многогранный феномен, включающий в себя не только экономико-географические, хозяйственно-исторические, но и философско-культурологические, духовно-ментальные аспекты. Фронтир – это контактная зона, это особая форма культурного диалога, это процесс и результат социального конструирования пространства. Именно данные факторы аспекты обуславливают социально-философские и культурологические аспекты концепции фронтيرا.

Ключевые слова: буддизм; религия; современный мир; глобализация; глокализация; толерантность; Восток.

Следует отметить, что фронтир — комплексный, многогранный феномен, включающий в себя не только экономико-географические, хозяйственно-исторические, но и философско-культурологические, духовно-ментальные аспекты. Автор данной статьи подходит методологически к фронтису, как к особой форме культурного диалога, к процессу пограничья и результату как к социальному конструированию пространства.

Как известно, в конце XIX века американский историк Фредерик Тернер (Frederick Jackson Turner) предложил концепцию "фронтиса" для анализа европейских колоний и в первую очередь США. Его первая работа была посвящена именно США: "*The Significance of the Frontier in American History*" ("*Значение границы в американской истории*"), ее он представил в докладе для Американской исторической ассоциации (American Historical Association) в 1893 году в Чикаго. В 1920 году Ф. Тернер выпустил сборник статей "Фронтис в американской истории", в котором были собраны его работы по колонизации и освоению Америки. Под фронтисом исследователь понимал границу между освоенными и неосвоенными землями [1]. В процессе продвижения колонисту приходилось адаптироваться к непривычной окружающей природной и культурной среде. В результате взаимодействия различных культур формируется новая.

Именно данные факторы обуславливают социально-философские и культурологические аспекты концепции фронтиса и ее когнитивный потенциал. В данном контексте представляется актуальным обращение к фронтисному подходу при анализе исторических и этнокультурных процессов, протекавших и протекающих на Юге России, в том числе в истории калмыцкого этноса.

Многообразие фронтиров, сложность их типологии и структурирования требует применения компаративистского подхода в исследовании культурно-исторических процессов. Выделение новых типов фронтирных отношений (в данном случае «калмыцкого фронта»), не укладывающихся в рамки классической теории фронта, позволят расширить возможности применения фронтирной теории к разным сценариям исторического развития культурного диалога. Выявляя разные стадии культурных отношений, общее и особенное в каждом конкретном случае, можно прогнозировать дальнейшее развитие региона, и в некоторой степени скорректировать его путем эффективной этнокультурной и социально-экономической политики на Юге России.

Фронт не является инструментом протоколирования конкретно-исторических явлений. Это понятие вообще не операциональное, а методологическое. Фронт следует рассматривать как новый способ сборки исторического как такового. Это один из форматов самопонимания истории и как науки, и как длящегося человеческого опыта. В этом плане этнические истории, в том числе калмыцкого этноса – притягательны и актуальны.

Понимание фронтирного взаимодействия, в широком смысле слова, стало означать контакт (с последующими взаимными реакциями) носителей языков, идей (религий), технологий, типов хозяйствования. Многие исследования в области этнологии, социальной антропологии, культурологии, лингвистики построены именно на идее существования множественных «фронтов».

Особого внимания при анализе фронта и его роли в становлении культурного ландшафта имеют культурно-географические аспекты. В ходе освоения пространства формируются определенные модели и практики человеческой деятельности. Эти модели имеют культурную детерминированность. Каждая культура формирует свой особый «адаптированный» образ реальности и пространства. Таким образом, можно говорить о ментальном, культурном измерении пространства.

Культурное пространство – это особый коммуникационный универсум, где коммуникации между локальными культурами осуществляются в процессе диалога между ними. При этом диалог, взаимопроникновение являются не только способами взаимодействия культур, но и непременным условием их развития.

Культурное пограничье, культурный фронт, обеспечивая диалогичность культурного пространства, предполагает наличие Другого Я, наличие границ между Своим миром и миром Чужого. Социокультурная граница включает представление о бинарной структуре жизненного пространства.

Применение фронтирной методологии к ряду территорий дало интересные результаты, возросла эпистемологическая роль фронтирной теории. Идея фронта получила новое осмысление и развитие. Фронт перестал пониматься только как пограничная территория между дикостью и цивилизацией. Фронт стал рассматриваться как территория между «Своими и Чужими», как разлом цивилизаций, как контактная диалоговая зона встреч различных культур. Появились новые варианты типологии фронта.

В целом же рассмотрение истории России через историю фронта в ее восточных пределах создает важную исследовательскую перспективу. В России, же несмотря на традицию самодержавия, заимствованную из Византии, влияние фронта было значительно выше. Сама Москва в большой степени была наследницей Золотой Орды и считала себя таковой. В отличие от западных рубежей России, на юге и востоке применялась совершенно иная терминология и политика по отношению к местному населению. В некоторых местах — как Северный Кавказ, например — это продолжалось вплоть до конца XIX в. На фронте России народы, с которыми сталкивалась Москва, а затем Петербург, должны были немедленно признавать себе подданными царя (давать шерсть), представлять собой заложников (аманаты), выплачивать ясак, как в Сибири, либо поставлять военные отряды для войн против врагов России. Россия здесь следовала традициям и терминологии Золотой Орды и ее Чингисидских наследников.

Возможность применения концепта фронт к анализу российской истории убедительно

доказана историографической практикой. Фронтир результативно применяли и применяют для исследования расширения границ Российского государства и колониционных процессов как в масштабе национальной истории, так и для анализа прошлого отдельных регионов.

Как Московское государство, так и Российская империя были классическими фронтирными образованиями в своих восточных и южных пределах. В Кремле и в Петербурге огромные пространства Азии представлялись большей частью как пустые земли, или незаселенные, или населенные примитивными кочевыми, полукочевыми и в целом несuverенными племенными образованиями. По мере продвижения на восток, юго-восток и юг Россия оставалась фронтирным государством до столкновения с границами или пограничными претензиями подобных себе имперских образований (в частности, Османской, Персидской и Китайской империй).

Необходимо отметить, что единая концепция фронта не сформулирована. Скорее, это своеобразные «авторские теории», каждая из которых дополняет друг друга. В научной литературе можно найти много определений понятия «фронтир», но нет единого терминологического аппарата. В рамках исследований появляются все новые дефиниции: фронтирная зона, фронтирная ситуация, религиозный фронтир и другие, которые сам автор концепции Тернер не употреблял.

В рамках проблемы фронта рассматривается большое количество вопросов: исторические условия формирования фронта, темпы формирования, вопросы экономического, политического, культурно-конфессионального характера.

Список литературы:

1. Turner F.Y. The Frontier in American History. N.Y.: Henry Holt and Company, 1920. – 394 p.
2. Turner F.Y. “Russia ought to have its frontier interpretation” – letter to A.H. Buffinton, 27 Oct. 1922. // Billington R.A. Frederick Jackson Turner: Historian, Scholar, Teacher. NY, 1973.
3. Treadgold D.W. Russian Expansion in the Light of Turner’s Study of American Frontier // Agricultural History 1946. № 4. P. 147-152.
4. Lantzeff G.V., Pierce R.A. Eastward to Empire. Exploration and conquest on the Russian open frontier, to 1750. Montreal-London, 1973. P. 93-140.
5. Sumner B.H. Survey of Russian History. NY, 1947. P. 31-47.
6. Lantzeff G.V. Siberia in the Seventeenth Century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley and Los Angeles, 1943.
7. Зберовская, Е.Л. Социокультурные аспекты освоения Сибири в контексте теории фронта / Е.Л. Зберовская // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2013. – № 12. – С. 280-285.
8. Панарина, Д.С. Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны / Д.С. Панарина // История и современность. – 2015. – № 1. – С. 15-41.
9. Baeva, L.V. South-Russian and Siberian Frontier: Analogies and Specific Character / L.V. Baeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – Vol. 8. – Issue 5. – P. 994-1002.
10. Якушенков С.Н. In Frontier we Trust // Журнал фронтирных исследований // 2019. №3.